

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.5

Поэтический отрывок А. С. Пушкина в контексте меняющейся научной парадигмы

© Н. И. Николаев

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 164500 г. Северодвинск, улица Капитана Воронина, 6.*

Email: n.nikolaev@narfu.ru

В центре внимания статьи – широко известный отрывок поэтического текста А. С. Пушкина и его интерпретация на различных исторических этапах. По мнению автора, исключение завершающей строки текста А. С. Пушкина из цитаты, представленной в заставке телепередачи С. П. Капицы «Очевидное – невероятное» совершенно не случайно и обусловлено существенным изменением научной парадигмы. Последняя пушкинская строка не встраивалась в концепцию С. П. Капицы как автора телевизионной программы, поскольку входила в конфликт с современными ему представлениями о целях и ценностях, лежащих в основе научного поиска. Ценностные установки великого русского поэта формировались в совершенно ином историческом контексте. Уточнение этого контекста и составляет основное содержание статьи.

Ключевые слова: *русская литература, картина мира, А. С. Пушкин, парадигма, интерпретация.*

Мотивом к подготовке этой публикации послужил широко известный факт. В конце XX столетия на протяжении четверти века популярная передача Сергея Петровича Капицы «Очевидное – невероятное» открывалась известными строками:

О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг...

Текст появлялся на экране, имитируя построчно возникающую из-под пера рукопись А. С. Пушкина, а за кадром слышался голос, озвучивающий этот текст. Отрывок завершался многоточием, хотя интонационно при озвучивании фактически ставилась точка («И гений, парадоксов друг»).

Вопрос, который невольно встает в связи с этим, касается следующего. Приведенный отрывок А. С. Пушкина состоит не из четырех, а из пяти строк. И авторы передачи намеренно не включали последнюю строку, завершая вразрез с пушкинским замыслом смысловую конструкцию предпоследней строкой. Поскольку речь идет о вырванной лишь одной последней строке, то объяснить это ограничениями, связанными со спецификой телевизионного формата (пространственными или временными), невозможно. Объяснение лежит, как представляется, совсем в иной плоскости. Последняя пушкинская строка («И случай, бог изобретатель...») не встраивалась в некую концепцию авторов передачи, входила в конфликт с их представлениями о целях и ценностях, лежащих в основе научного поиска. Их представления о науке сформированы в совершенно ином историческом контексте, нежели те, на которые опирался А. С. Пушкин. Уточнение этого контекста и составляет содержание данной статьи.

Историю отечественной науки принято начинать с Петровской эпохи. И это справедливо, с формальной точки зрения, если иметь в виду первоначальные усилия по созданию Петербургской академии наук [9]. Хотя и сами научные изыскания (если не естественнонаучные, то гуманитарные) и уж тем более представления о том, на что направлено научное познание мира, обозначили себя несколько ранее этой эпохи [10]. Однако бесспорно и то, что Петровская эпоха предложила принципиально новое содержание этих представлений. Оно связано с изменением концепции мира и смысла человеческого поступка в нем [11]. Не вдаваясь здесь в подробности этого вопроса, отошлем к монографии, посвященной специально этой теме (1 часть монографии названа «Архитектоника мира поступка русского литературного героя первой трети XVIII века», 2009 г. [1]).

Здесь же нам важно обратить внимание на роль «случая», «случайного» в господствующей модели мира, превращение его в ключевой фактор, формирующий научную картину мира. Интерес к нему, несомненно, соотносится с общими концептуальными подходами эпохи барокко с ее установкой на осмысление «сложного, многообразного, изменчивого» («переменчивого») мира. Эта установка обнаруживает себя в западноевропейских и русских литературных текстах эпохи.

О «переменчивости мира» в литературных представлениях начала XVIII века пишет А. С. Демин, основывая свои выводы в основном на детальном наблюдении за драматургией эпохи: «Во второй половине XVII века многие авторы, и в особенности драматурги, стали выражать горячий интерес к „чюдным и пречюдным“ изменениям и поворотам в самой земной жизни человека, безотносительно к его загробному существованию. В последней четверти XVII века активность выражения этой новой, светской, уже не средневековой идеи была несколько ослаблена, но с начала XVIII века представление о захватывающей переменчивости земной жизни распространилось, по-видимому, очень широко, приобрело невиданную популярность, стало общепринятым в литературе» [2, с. 207].

В русской художественной литературе эта установка сказалась, в частности, в усилении эффекта неожиданности, непредсказуемости событий. Все это, несомненно, укладывалось в господствующую эпохальную тенденцию десакрализации мира [12]. Хотя по природе своей «неожиданное» не обязательно противоречит традиционной средневековой модели сакрального миропорядка.

Неожиданным, например, становится явление чуда посреди обыденности жизни. Но чудо как раз является безусловным доказательством активного божественного присутствия в мире, исключительным инструментом воплощения Его воли на земле, предопределяющей исход всех событий. Неожиданны (во всяком случае для литературного персонажа эпохи) дьявольские козни, формы и способы бесовского искушения человека. Но и они, в конечном счете, укладываются в сакральную модель мира, с высокой степенью предсказуемости событий в нем.

В терминологическом плане «случай» («случайное») наиболее точно, как нам представляется, отражает своеобразие научной и художественной концептосферы наступившей следом эпохи. Именно «случайное» становится определяющим элементом русской художественной картины мира первой трети XVIII века [13]. Причем «случайными» здесь оказываются не только неожиданные повороты в судьбе героя, но порой и сама его смерть. Герой весьма характерной для первой трети XVIII века «Истории о российском дворянине Александре и лю-

бительницах его Тире и Елеоноре» после череды фантастических жизненных событий и подвигов погибает во время обычного купания в море. Смерть его ничто не предвещало. Она всего лишь факт, стремительно меняющегося, «переменчивого мира».

Но поистине определяющей становится роль «случайного» в научной картине мира, представленной в Европе. Дихотомия случайного и закономерного (системного) лежит в основе самых грандиозных открытий эпохи: от закона всемирного тяготения Исаака Ньютона до «Системы природы» (1735) Карла Линнея [14]. Закономерное, явленное в своем смысловом противопоставлении случайному становится именно в этот период основным предметом научного поиска. Умозрительные построения оказываются при таком подходе обязательными составляющими научной картины мира.

В России Петровской эпохи «случайное» тоже становится основополагающим элементом формирующихся научных представлений о мире. Свидетельство тому мы находим в сохранившейся до наших дней коллекции Кунсткамеры в Санкт-Петербурге. Сама Кунсткамера рассматривалась царем-преобразователем как первое подразделение будущей русской Академии, одно из составляющих фундамента будущего здания русской науки. Принципиальная идея, объединяющая это музейное собрание, заключалась в представлении всего редкого, аномального, неожиданного и необъяснимого в мире. Это все то, что «случается в мире». Коллекция наглядно доказывала чрезвычайную роль «случая» в мироздании. Причем делала это агрессивно, разрушая привычные для русского сознания представления о нем. Именно эта агрессивная идеологическая установка создателя Кунсткамеры ощущается в организационных мероприятиях, предшествующих ее открытию как публичного собрания: «Петр отверг предложение генерал-прокурора Сената С. П. Ягужинского, который советовал назначить плату за посещение Кунсткамеры. Петр не только сделал музей бесплатным, но и выделил деньги для угощения тех, кто сумеет преодолеть страх перед «страшилищами». Шумахеру отпущалось на это четыреста рублей в год. <...> Так реформатор приучал традиционную аудиторию к новизне, к раритетам, к небывалым вещам» [3, с. 190–191].

Принципиальная новизна, которую отстаивал Петр, состояла в кардинальном изменении концепции, модели мира, в которой теперь на совершенно законных основаниях утверждалась правомерность «случайного», не predetermined никаким замыслом о мире. Своеобразным доказательством того, что эта новая концепция с некоторыми усилиями пробивала себе дорогу, завоевывала сознание современников Петра I, становится любопытный факт из истории формирования коллекции Кунсткамеры, на который обратил внимание еще П. П. Пекарский: «В росписи предметов, которые были присланы в Кунсткамеру из провинции 8 марта 1725 г., значатся две заурядные собачки, поступившие от князя М. Голицина из Ахтырок. Отчего же они показались занимательными? Оказывается, как следует из росписи, они „родились от девки 60-ти лет“! Вот как понимали знаменитый петровский указ от 13 февраля 1718 г. о доставлении в Кунсткамеру уродов и редкостей: Петр требовал сенсаций, а ему предъявляли вещественные доказательства „чуда“» [3, с. 189].

Это весьма красноречивое доказательство меняющейся картины мира. Посылка М. Голицина из Ахтырок в Кунсткамеру демонстрирует столкновение двух совершенно разных концепций миропорядка, одна из которых базируется на господстве сакральных смыслов и ценностей, а другая настойчиво утверждает принципиальное значение в мире Его величества «Случая». По самой своей природе «случайное» не может быть встроено в какой-либо типологический ряд, изучено с точки зрения своих причинных связей. В логике такого осмысления

оно просто перестает быть собственно «случайным». Единственный способ его формально систематизированного представления – это коллекционирование, составление коллекции, объединенной только волей ее составителя. В этом смысле музейное собрание Кунсткамеры и есть идеальный способ познания и научного представления мира, концептуально понятого как совокупность, или череда «случайного».

По нашему глубокому убеждению, рациональное, научное познание мира для Петра I и его ближайшего окружения представляет собой совершенно иной по своей природе процесс, нежели то, что под этим понимали его потомки и даже европейские современники. Смысл этого процесса в непрерывном и неустанном наращивании коллекции.

Страсть к коллекционированию обнаруживает себя во многих новаторских предприятиях великого государя. Очевидно, например, что его первое путешествие по Европе (Великое посольство) было мотивировано в ряду прочего желанием расширить свои представления о мире. Вот как описывает современный историк, опирающийся на достоверные источники, практические результаты этой поездки: «...члены Великого посольства изо всех сил разыскивали и нанимали для службы в России специалистов по флоту, производству вооружений, медицине и др. Всего удалось набрать более 800 человек – голландских, английских, немецких, венецианских, греческих офицеров, матросов, инженеров, врачей и пр. В Россию отправили несколько десятков тысяч ружей новых марок, всякие военные материалы, морские приспособления» [4, с. 41].

Совсем не сложно во всей этой работе увидеть стремление к составлению коллекции не только ружей и морских приспособлений, но и специалистов разных профессий и национальностей. Круг ремесел, который со свойственным темпераментом освоил Петр I в течение своей жизни («и мореплаватель, и плотник...»), тоже в некотором смысле обнаруживает его стремление к своеобразному коллекционированию профессиональных навыков. Ту же страсть монарха-реформатора можно усмотреть и в самой создаваемой им концепции Академии наук, и в списке ученых мужей, которых планировалось пригласить из Европы в Россию [15].

Наращивание практически значимого знания путем небывалых для России масштабов коллекционирования, очевидно, составляет особенность стиля петровского времени.

Заметим, что само по себе коллекционирование не ведет к выявлению каких-либо закономерностей. «Закономерное» вообще отсутствует в русском научном сознании Петровской эпохи. Когда Французская Академия наук в 1717 г. обратилась к Петру I с предложением стать ее почетным членом, он направил ей весьма показательное благодарственное письмо, в котором обещал предоставлять «редкости», которые будут ему известны в его государстве. По существу, это обещание принять участие в расширении коллекции Французской Академии, к чему, похоже, и сводится смысл научных поисков и научного познания русского государя-новатора.

Вместо умозрительных построений, характерных для исканий западных ученых, его научные представления о мире ограничиваются исключительно данными эмпирического познания, которые входили в противоречие с постулатами традиционной для России сакральной картины мира и тем самым отвечали потребности в переменах, новизне, столь остро ощущаемой Петром I.

Передовой, продвинутый человек Петровской эпохи, сфокусировавший свое внимание на «случайном» как концептуально значимом в картине мира, по-другому формулирует смысл и цель своего поступка в мире. Для него искомый результат, ожидаемые воздаяния за труды

состоят не в загробном вознаграждении, а в сиюминутном материально выраженном успехе. Человек, ориентированный на такой успех, не измеряет его в категориях, соотносимых с сакральными смыслами. Этот человек – продукт глобального процесса секуляризации. Его внешняя отличительная черта – гиперактивность, обусловленная тем, что в его мире нет никакой сдерживающей его волю предопределенности. Одна из распространенных речевых формул эпохи – «Попасть в случай!». Она наиболее полно выражает суть его устремлений, взаимоотношений с внешним миром.

В такую модель поведения укладываются многие литературные персонажи эпохи, исторические лица. Она находит отражение в изданиях, посвященных воспитанию подрастающего поколения («Юности честное зерцало...» 1717 г. [5]). Ей отвечает и один из самых ярких представителей русской науки XVIII столетия М. В. Ломоносов, во всяком случае, на раннем этапе своей жизни (до своего возвращения из Германии), когда побег из дома, внесение ложных сведений в официальные документы, склонность к откровенно авантюрным шагам то и дело обнаруживают себя в жизни этого, несомненно, активного и устремленного (нацеленного на успех) молодого человека [16].

Однако именно при М. В. Ломоносове «закономерное» становится целью научного поиска русских ученых. Собственно, в этом и состоит кардинальный поворот, который осуществил великий просветитель XVIII века в истории русской науки [6].

Изменения, коснувшиеся научной картины мира, произошли не сразу и в первую очередь затронули позицию «случайного» в мире. Собственно говоря, в окончательных ломоносовских научных представлениях о мире, о глобальном миропорядке «случайному» вообще нет никакого места. Здесь все связано между собой цепью причинной зависимости, настолько жесткой, что она порой поражает своей прямолинейностью: «дождь землю кропит, и солнце оную согревает для того, чтобы плоды произрастали». Вся эта цепь взаимообусловленности, в конечном счете, замыкается на главном источнике причинности – Творце. Раскрывая все эти скрытые от обыденного взгляда связи и зависимости, ученый постигает тем самым сокровенный замысел Его. Ломоносовский пафос научного познания имеет по своей природе глубокие религиозные истоки. О принципиальном, объективном отсутствии «случайного» в мире М. В. Ломоносов заявляет и в поэтической форме:

О, вы, которы все по рассужденью злomu
Обыкли случаю приписывать слепому,
Увертесь нынешним превожделенным днем,
Что промысл Вышнего господствует во всем [7, с. 535].

Отрицание «случайного» в глобальном мире лежит в основе содержания одного из лучших поэтических творений М. В. Ломоносова «Оде, выбранной из Иова...».

Иов, ропщущий человек, ввергнутый в пучину страданий, усомнился в разумности Творения. По-видимому, в версии М. В. Ломоносова мир предстал ему чередой «случайностей», в которой никак не просматривается божественная воля. И тогда Бог, обратившись к нему с Небес, представил картину грандиозного миропорядка, где решительно все подчинено ему и осмыслено им [17]. Но со своей субъективной (ограниченной) человеческой позиции, Иов не может охватить взглядом этой разумной стройности целого замысла. Его видение фрагментарно и потому ущебно; его удел – беспрекословное повиновение и молитва:

Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.

В надежде тяготу сноси,
И без роптания проси [7, с. 392].

Но есть одна принципиальная особенность, отличающая ломоносовское понимание закономерного от его западноевропейских коллег. В его трактовке оно выглядит как «иной эмпирический опыт», недоступный обычному человеку. Во всяком случае в поэтических текстах это представлено именно так. Вот как это, например, выглядит в «Утреннем размышлении о Божием величестве» (1743) [19]. Здесь сначала дано описание того, что доступно восприятию обычного человека и вытекает из его повседневного опыта:

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли... [7, с. 117].
Но уже во второй строфе речь пойдет о том, что не дано увидеть «смертным»:
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан [7, с. 117].

Следующая за этим детализированная картина «горящего океана» с «огненными валами», «крутящимися» «пламенными вихрями», «кипящими камнями», «горящими дождями» представлена как непосредственно видимая, эмпирически данная. Но при этом позиция, с которой автору удастся рассмотреть эту картину, не принадлежит человеку («смертному») и не принадлежит Богу. Точка зрения Творца будет обозначена ниже, и она точно не совпадает с той, которую автор обозначил в цитируемых второй и третьей строфах своей оды. Своеобразие видения центрального предмета изображения оды (солнца) Богом представлено у М. В. Ломоносова одним штрихом:

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна... [7, с. 118].

В смене точек зрения и раскрывается необычный замысел великого русского ученого и поэта.

Глобальный миропорядок в ломоносовском понимании не знает ничего «случайного». Но это вовсе не означает того, что предложенная им картина мира обходится совершенно без его упоминания. То его «Размышления о Божием величестве» окажутся актуализированными, «...при *случае* великого северного сияния», то «*случится*» нечто с «двумя астрономами в пиру».

Выстроенная М. В. Ломоносовым картина как бы учитывает две совершенно разные точки зрения. Одна из них – объективная, способная охватить все мироздание в целом, во всех его логических связях и смыслах. Это точка зрения Творца. Другая – человеческая, субъективная. Она не располагает возможностями прямого масштабного видения мира. Он дан ей фрагментарно, и поэтому представляется как бессмысленная череда «случайностей». Но есть и третья точка зрения, на самостоятельности которой настаивает М. В. Ломоносов. Это позиция ученого.

Уникальность открытой М. В. Ломоносовым позиции ученого состоит в том, что он способен соединить в своем научном поиске две иные точки зрения, преодолеть бездну непонимания, разделяющую их. В его представлениях, «случай» – это возможность проникнуть за черту

эмпирически данного к сущностному, богоустановленному (в отличие от обычных «смертных», для которых актуальна пугающая неизъяснимость «случайного»); это нить, потянув за которую можно размотать весь клубок причинных зависимостей и связей. Движение от «случайного» к «закономерному» составляет содержание поступка ученого. По сути своей, это путь к сокровенному, божественному, к Богу. Хотя и совершает его светский человек (ученый), но по смыслу своему его поступок равновелик духовному подвижничеству, и осуществляется он, в ломоносовской версии, в аскетическом уединении (как у отшельника):

Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;

Отрада вся, когда о лете я пишу;

О лете я пишу, а им не наслаждаюсь

И радости в одно мечтании ищу [7, с. 290].

Насыщение картины мира в Петровскую эпоху «случайными», непредсказуемыми событиями и фактами было обусловлено процессом секуляризации культуры [18]. Фактическое замещение в ломоносовской модели мира монаха-отшельника светским ученым связано с углублением все той же глобальной тенденции. Так же, как «случайное» в картине мира Петровской эпохи провоцировало человека этого времени на небывалую прежде активность, так и в ломоносовской ее версии «случай» для его ученого мужа приобретал значение открывающейся возможности приблизиться к постижению божественного замысла о мире, служил сигналом свыше к началу поиска, к началу познавательной активности.

В результате в ломоносовских текстах понятие «случая» появляется в причудливых словосочетаниях, вроде «дозволил случай» (письмо к Г. Н. Теплову 30 января 1761 г.), «случай берегут» («Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 г.») и т.д. Непредсказуемое, неожиданное в этих формулах соединяется с предустановленным. В этом, несомненно, сказалось своеобразие ломоносовского миропонимания. Для его лирического героя характерна заинтересованная сосредоточенность на «случайном», которая дает возможность проникнуть в тайны миропорядка тем,

...которых быстрый зрак,

пронзает в книгу вечных прав,

которым малый вещи знак

являет естества устав... [7, с. 121–122].

«Случай» – это моментальное озарение, прорыв в область сакрального, «закономерного», возможный для ученого человека, занимающего исключительную позицию в мире [20]. Все эти смысловые акценты сохраняют свою актуальность и после М. В. Ломоносова, вплоть до пушкинской поры и некоторое время после нее. Последняя строка в отрывке А. С. Пушкина («И случай, бог изобретатель...» [8, с. 171]) появляется, несомненно, из этого смыслового контекста, где весьма своеобразно, с учетом специфически русских смысловых акцентов, трактуется сакральная природа акта научного открытия.

«Случайное» и «предопределенное» Богом стоят у него рядом, так же, как они пребывают в сознании М. В. Ломоносова. Для него, как и для большинства его современников, научное познание укладывалось в смысловом диапазоне «случайное/закономерное».

XX век принес с собой изменение научной парадигмы. «Вероятностная картина мира» становится тем, что определяет вектор научного познания [21]. А это кардинально меняет суть и смысл поступка познающего. Случайное перестает осознаваться как фактор, определяющий

направление познания мира. Познание теперь осуществляется в смысловом диапазоне «очевидное/вероятное; вероятное/невероятное». Заметим, название передачи С. П. Капицы «Очевидное – невероятное», без всякого сомнения, ориентировано на эту новую научную парадигму. В ее ценностные установки вполне укладываются и «опыт», формирующийся через поиск и «ошибки» («И опыт, сын ошибок трудных»), и «парадоксальность гения» («И гений парадоксов друг»). Но в ней нет места «случайному», которое вытеснено «вероятным». Прочтение отрывка А. С. Пушкина корректировалось современным контекстом. Этим, как представляется, и определялось своеобразие его цитирования в телевизионной программе С. П. Капицы.

Литература

1. Николаев Н. И. Нехлебаева Н. А., Шестакова Е. Ю. *Литературный герой в контексте этических исканий XVIII–XIX веков: Монография*. Архангельск: Солти, **2009**. 172 с.
2. Демин А. С. *Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века*. М., **1977**.
3. Панченко А. М. *Русская культура в канун петровских реформ*. Л., **1984**.
4. Буганов В. И. *Петр Великий и его время*. М., **1989**.
5. *Юности честное зерцало, или показания к житейскому обхождению*. СПб., **1717**.
6. Николаев Н. И. Мифы о М. В. Ломоносове и мотивы его поступка (к вопросу о построении биографии русского ученого) // *М. В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность: сборник*. Архангельск: Поморский университет, **2009**. С. 31–54.
7. Ломоносов М. В. *Полн. собр. соч.* М., **1959**. Т. 8.
8. Пушкин А. С. *Собр. соч.: в 10 т.* М., **1982**. Т. II.
9. Смагина Г. И. Академия наук и развитие образования в России в XVIII веке // *Вестник Российской Академии наук*. Т. 70. №7. **2000**. С. 635–644.
10. Власов Д. А., Ксенофонтов Е. Ф. Наука и техника в допетровской России // *Современные проблемы гуманитарных наук: Международный сб. научных трудов преподавателей и студентов высшей школы*. Воронеж. **2012**. Вып. 6. С.6–76.
11. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. "Crisis of action" of the russian literary character in literary discourse // *Man in India*. **2017**. Vol. 97. No. 10. С.449–462.
12. Балакина Е. И. Десакрализация и ресакрализация искусства в научной картине мира современности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. **2015**. №9–1(59). С. 24–27.
13. Николаев Н. И., Шестакова Е. Ю. С кем спорит А. Д. Кантемир (Сатира А. Д. Кантемира «О воспитании») // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. **2014**. №3. С.366–369.
14. Скворцов А. К. У истоков систематики. К 300-летию Карла Линнея // *Природа*. **2007**. №4. С. 3–10.
15. *Иностранцы члены Российской академии наук*. М., **2012**.
16. Лебедев Е. Н. М. В. Ломоносов. М. **1990**. 608 с.
17. Лотман Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. **1983**. Т. 42. №3. С. 258.
18. Бубнов Ю. А., Радугина О. А. Секуляризация как духовное явление европейской культуры // *Теория и практика общественного развития*. **2015**. №22. С.194–196.
19. Левитт М. «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста // *XVIII век. Сборник 24*. СПб. **2006**. С. 57–70.
20. Николаев Н. И. Мифы о Ломоносове и мотивы его поступка (к вопросу о построении биографии русского ученого) // *М. В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность*. Архангельск. **2009**. С. 31–54.
21. Оболкина С. В. «Классический стиль» неклассической картины мира: случайность и вероятность // *Эпистемы. Сборник научных статей*. Екатеринбург. **2015**. С. 40–43.

Поступила в редакцию 05.07.2018 г.

После доработки – 10.08.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.5

A poetic extract by A. S. Pushkin in the context of a changing scientific paradigm

© N. I. Nikolaev

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
6 Voronin Street, 164501 Severodvinsk, Russia.*

Email: n.nikolaev@narfu.ru

The article is focused on the widely known extract from a poetic text by A. S. Pushkin and its interpretation at various historic stages. In the author's opinion, the exclusion of A. S. Pushkin's text finishing line from the quote presented in the caption of TV show of S. P. Kapitsa "Evident – Incredible" is not coincidental and conditioned by a substantial change of the scientific paradigm. The last line by Pushkin did not match to S. P. Kapitsa's concept of the TV show, since it contradicted to his modern ideas on purposes and values of scientific studies. The value system of the great Russian poet was formed in a completely different historic context. The main content of this article is all about clarification of that context. The initial ideas of aims and meanings of scholastic attainments were formed in Russia in the first third of the 18th century (Peter the Great's epoch), when the Russian Academy of Sciences was established. The picture of the world that was emerging in a Russian mind at that time was substantially different from that which had dominated in the previous epoch. The main innovation consisted in keen interest for the role of "chance"; "coincidental" became the key factor in forming the worldview. It destroyed the harmony of medieval Russian ideas of the universe creation. The new worldview containing the "coincidental" as its conceptual element conditioned the emergence of adequate forms of scientific presentation of this concept. One of the examples is the famous museum collection of the *Kunstkamera* (or Cabinet of Curiosities, which later became the first department of Academy of Sciences). The conceptual peculiarity of this collection is all rare, abnormal, and unexpected. The exhibits of *Kunstkamera* proved the meaning of "coincidental" as an essential factor of the world. Before the Lomonosov's epoch, the search for regularities was not perceived as the purpose of science in Russia. By setting such task, M. V. Lomonosov made a principal change in the history of Russian science. However, the ideas of the great Russian scientist were formed in the scientific community of the previous generation of his fellow-countrymen. For him, like for the majority of his contemporaries, the scientific cognition was realized within "coincidental vs regular" notional range. The 20th century was marked by change of the scientific paradigm. The "probabilistic worldview" became the factor that determined the scientific cognition vector, which in its turn cardinally changed the sense and meaning of the researcher's actions. The coincidental was no longer perceived as determining the direction of the world cognition. The cognition was realized within the "evident vs credible and credible vs incredible" notional range. The title of S. P. Kapitsa's TV show "Evident – Incredible" was beyond any doubt oriented to this new scientific paradigm. In the new scientific worldview, there was no longer place for "coincidental" as it was ousted by the notion of "credible". The interpretation of A. S. Pushkin's extract was corrected by the modern context and determined the peculiarity of quoting it in Kapitsa's program.

Keywords: Russian literature, worldview, A. S. Pushkin, paradigm, interpretation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Nikolaev N. I. A poetic extract by A. S. Pushkin in the context of a changing scientific paradigm // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 4. Pp. 295–304.

References

1. Nikolaev N. I., Nekhlebaeva N. A., Shestakova E. Yu. *Literaturnyi geroi v kontekste eticheskikh iskanii XVIII–XIX vekov: Monografiya* [Literary hero in the context of ethical searches of the 18th-19th centuries: Monograph]. Arkhangel' sk: Solti, **2009**.
2. Demin A. S. *Russkaya literatura vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka* [Russian literature of the second half of the 17th-the beginning of the 18th century]. Moscow, **1977**.
3. Panchenko A. M. *Russkaya kul' tura v kanun petrovskikh reform* [Russian culture on the eve of Peter' s reforms]. Leningrad, **1984**.
4. Buganov V. I. *Petr Velikii i ego vremena* [Peter the Great and his time]. Moscow, **1989**.
5. *Yunosti chestnoe zertsalo, ili pokazaniya k zHITEISKOMU obkhozhdENIyu* [The honest mirror of youth]. Saint Petersburg, **1717**.
6. Nikolaev N. I. Mify o M. V. M. V. Lomonosov: lichnost' i nauchno-obrazovatel' naya deyatel' nost' : sbornik. Arkhangel' sk: Pomorskii universitet, **2009**. Pp. 31–54.
7. Lomonosov M. V. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Moscow, **1959**. Vol. 8.
8. Pushkin A. S. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, **1982**. Vol. 2.
9. Smagina G. I. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*. T. 70. No. 7. **2000**. Pp. 635–644.
10. Vlasov D. A., Ksenofontov E. F. *Sovremennye problemy gumanitarnykh nauk: Mezhdunarodnyi sb. nauchnykh trudov prepodavatelei i studentov vysshei shkoly*. Voronezh. **2012**. No. 6. Pp. 6–76.
11. Nikolaev N. I., Shvetsova T. V. *Man in India*. **2017**. Vol. 97. No. 10. Pp. 449–462.
12. Balakina E. I. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvoznanie. Voprosy teorii i praktiki*. **2015**. No. 9–1(59). Pp. 24–27.
13. Nikolaev N. I., Shestakova E. Yu. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. **2014**. No. 3. Pp. 366–369.
14. Skvortsov A. K. *Priroda*. **2007**. No. 4. Pp. 3–10.
15. *Inostrannye chleny Rossiiskoi akademii nauk* [Foreign members of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, **2012**.
16. Lebedev E. N. *M. V. Lomonosov* [M. V. Lomonosov]. M. **1990**.
17. Lotman Yu. M. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. **1983**. Vol. 42. No. 3. Pp. 258.
18. Bubnov Yu. A., Radugina O. A. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. **2015**. No. 22. Pp. 194–196.
19. Levitt M. *XVIII vek*. Sbornik 24. Spb. **2006**. Pp. 57–70.
20. Nikolaev N. I. *M. V. Lomonosov: lichnost' i nauchno-obrazovatel' naya deyatel' nost'*. Arkhangel' sk. **2009**. Pp. 31–54.
21. Obolkina S. V. *Epistemy. Sbornik nauchnykh statei*. Ekaterinburg. **2015**. Pp. 40–43.

Received 05.07.2018.

Revised 10.08.2018.